

Уроки скифского¹

В статье анализируются фонетические соответствия между скифским и прочими иранскими языками. Обзор существующих данных о скифском языке подтверждает гипотезу о его принадлежности к юго-восточной группе восточноиранских языков. Установленные фонетические особенности скифского дают возможность искать скифские заимствования в иных языках и иноязычные заимствования в скифском и исследовать этногенез скифов не только с археологических позиций.

Ключевые слова: иранские языки, скифский язык, скифы.

Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (Полин 1992: 88). Некоторые скифологи идут еще дальше, прямо заявляя или имплицитно подразумевая, будто определение места скифского языка среди прочих иранских, если бы и было возможно, не имело бы никакого значения для исследования этнической истории: «Данные о языке скифов крайне скудны. Дошедшие до нас имена скифских царей, названия рек, топонимы и прочие подобные сведения позволяют лишь утверждать, что он принадлежал к числу иранских... Впрочем, если исходить из того, что местное предскифское население (киммерийцы) и продвинувшиеся сюда с востока в VII в. до н. э. группы кочевников (протоскифы) были родственны по языку и, следовательно, приход последних не означал коренной смены языка у обитателей северокавказских и северопричерноморских степей (Абаев 1965: 122), то, значит, располагай мы и более обширными сведениями о характере и развитии скифского языка, это мало бы что дало для понимания этногенеза скифов» (Мурзин 1990: 30). В неявной форме ту же мысль проводят А. И. Тереножкин и И. В. Куклина, фактически ставящие знак равенства между понятиями «скифский» и «иранский»: «И. В. Яценко и Д. С. Раевский назвали дискуссионными следующие проблемы скифологии: этнос, происхождение, социально-экономический строй, организация общества и идеология. Вероятно, лишь случайно в этот перечень попал вопрос о скифском этносе, рассмотренный в известном докладе А. И. Мелюковой и Б. Н. Гракова на скифоведческой конференции в Москве в 1952 г., когда они установили, что скифы были иранцами (с тех пор это никем не ставилось под сомнение)» (Тереножкин 1980: 119); «Геродот не считал скифами ни исседонов, ни массагетов, тогда как современные исследователи, опираясь на археологические, лингвистические и топонимические материалы и на свидетельства других античных источников... отмечают родство культуры этих азиатских племен со скифами и считают возможным говорить об их скифском (иранском)

¹ Выражаю глубокую благодарность Д. И. Эдельман, прочитавшей статью в рукописи и сделавшей ряд ценных замечаний, которые я постарался учесть. За все недостатки работы, разумеется, несет ответственность автор.

происхождении» (Куклина 1985: 7–8). Не говоря уже о неправомерности отождествления «скифский = иранский», нельзя не отметить, что автор последнего высказывания упускает из виду бесспорное лингвистическое свидетельство того, что скифский и массагетский языки относились к разным подгруппам иранских. Ведь общеиранское (и индоиранское) *ś (из индоевропейского *k̑) давало в большинстве иранских языков s, а в т. н. «югозападноиранских», т. е. прежде всего в древнеперсидском, а также в восточноиранском скифском, θ — ср. авестийское *raēs-*, древнеперсидское *raiθ-* (< **raís*) «красить, украшать» (родственно русским словам «писать», «пестрый»). Производное от этого корня со значением «вид, форма» отразилось в скифском языке как -πείθης, с θ на месте обычного для большинства иранских s. Массагетская форма того же слова, где *ś, в отличие от скифского, дала s, приведена Геродотом (I, 211, 213) в имени массагета Σπαργαπίσης, соответствующем скифскому антропониму Σπαργαπείθης (подробнее об этой фонетической особенности см. Абаев 1945; Грантовский 1970: 161–162 = 2007: 183–184)².

Одним словом, как будет показано ниже, анализ материала опровергает пессимистическую точку зрения на возможность дальнейшей детализации наших представлений о скифском языке. К сожалению, как правило (хотя, разумеется, не всегда), анализ лингвистических данных в трудах историков — как, впрочем, и исторических, археологических и т. п. материалов в трудах лингвистов — сводится к тому, что исследователь принимает ту точку зрения специалистов смежной области знания, которая более соответствует его выводам. Позиция, что и говорить, удобная, но для научного исследования неприемлемая. Ведь не столь уж часто аргументы сторонников всех имеющихся гипотез одинаково убедительны. Обычно, проанализировав систему доказательств, можно разобратся, какие положения невозможно принять без насилия над материалом.

В связи с проблемой скифского языка и этнической атрибуции скифов нельзя не упомянуть и попыток этимологизации скифских слов на материале неиранских языков. Когда-то я высокомерно отмахнулся от вопроса, заданного археологом: почему попытки этимологизировать скифские слова из тюркского следует а priori считать менее достоверными, чем их объяснение из иранского? Вопрос, между тем, был вполне законным: при некоторой изобретательности в тюркских языках можно найти множество слов, созвучных со скифскими, и неспециалисту трудно будет оценить, надежны ли подобные сближения. Приведу доказательства того, что тюркским скифский язык быть никак не может. Толкование скифских слов из тюркского (см., например: Исмагил 2006) несостоятельно хотя бы потому, что фонетика засвидетельствованных скифских слов противоречит фонетическим характеристикам пратюркского (распад которого по глоттохронологическим данным относится к I в. до н. э., т. е. много позже появления на исторической арене скифов — соответственно, сравнивать скифские слова имело бы смысл только с пратюркскими, а не с их рефлексами в отдельных древних и современных тюркских языках). Так, пратюркское слово не могло начинаться на сонанты *m и *l, тогда как нам известны скифские имена Мадий и Липоксай; невозможными в пратюркском были и скопления согласных в анлауте (начале слова), засвидетельствованные в самоназвании скифов и таких именах, как, например, Спаргапиф (о пратюркской фонетике и фонотак-

² Правда, Э. Швицер (Schwyzer 1968: 206) предположил, что -θ- в этих именах у Геродота появился под влиянием греческих имен с элементом -πείθης (Διοπείθης и т. п.), и с ним согласился Р. Шмитт (Schmitt 2002: 149). Но поскольку слова, в которых праиранская фонема *ś дает *θ (и далее t), без какого бы то ни было греческого посредства вошли в осетинский (*færæt* «топор» из **paraθu-* < **paraśu-* и пр.), где их, видимо, следует трактовать как скифские заимствования (регулярным рефлексом *ś в осетинском является s), объяснение -θ- в именах Ариапифа и Спаргапифа как регулярного скифского рефлекса общеиранского *ś представляется более вероятным.

тике см. СИГТЯ 2006: 62—66; Дыбо 2007: 13—64). Одним словом, попытки объявить скифов тюрками представляют интерес разве что с точки зрения современной этнопсихологии.

Итак, не приходится сомневаться в том, что скифы говорили на иранском (точнее, восточноиранском³) языке. Наиболее же показательный критерий отграничения скифского от большинства прочих иранских давно и хорошо известен скифологам. Практически каждый, писавший о скифском языке, упоминал о соответствии скифского Παράλαται — авест. *paradāta*. Сходство это было замечено еще в середине XIX в.⁴, до того, как Дж. Дармстетер впервые отметил, что переход $d > \delta^5 > l$ является специфической особенностью юговостоноиранских языков⁶ (хотя заимствованные слова, демонстрирующие этот переход, встречаются и в иных восточно- и западноиранских языках — ср. ниже)⁷.

В дальнейшем эту изоглоссу, объединяющую скифский язык, с одной стороны, и юговостоноиранские языки, а именно бактрийский, афганский (пашто, пушту), мунд-жанский, йидга — с другой⁸, иногда отмечали⁹, но до поры до времени никто не делал напрашивающегося вывода и не пытался трактовать *все* случаи появления *l* в скифском как рефлексы восточноиранского δ (и общеиранского $*d$)¹⁰.

³ О чем свидетельствует хотя бы наличие в раннескифском фонемы δ (из праиранского $*d$) (аргументацию см. ниже). В западноиранских $*d > d$.

⁴ См., например, Müllenhoff 1892 (1866): 112, хотя он и колебался, возводить ли Παράλαται к *paradāta* или к авест. *ratu*.

⁵ В иранистике греческой дельтой принято условно обозначать звонкий межзубный [ð], сходный с начальным согласным в английском слове *this*.

⁶ Darmesteter 1883: 71, 195—201; Minorsky 1930. Конечно, переход $d > l$ встречается и в иных, неиранских языках — ср., например, латинское *levir* при русском *деверь* или различные варианты имени Одиссея в греческом: Ὀδυσσεύς, Ὀλυσσεύς, Ὀλίξης (откуда латинское *Ulixes*, Улисс) (во всех случаях такого рода речь идет о субстратных влияниях), но регулярным, если брать хорошо документированные языки, он был именно в юговостоноиранских.

⁷ К тому, что $-l-$ в скифском Παράλαται регулярно восходит к общеиранскому $*-d-$, склоняется и М. Майргофер, хотя он приводит и альтернативное объяснение: якобы в этом слове $-l-$ мог появиться из-за уподобления предшествующему $-r-$ и диссимиляции относительно последующего зубного смычного $-t-$ (Maughofer 2006: 25), что представляется сомнительным, поскольку параллельных примеров такого развития нет.

⁸ Существует гипотеза, что переход $\delta > l$ характеризовал и один из согдийских диалектов, существование которого постулируется на основании косвенных данных, а именно демонстрирующих этот переход персидских слов, для которых предполагается согдийское происхождение, и использования в согдийском письме арамейской буквы ламед (*l*) для обозначения спирантов δ и θ — cf. Henning 1939; Livshitz 1970: 258, 261—263; Sims-Williams 1981; Idem 1989: 173, 177, с литературой. Эти факты, однако, можно объяснять и иначе. Так, по устному сообщению В. А. Лившица, заимствования в персидском, которые Хеннинг считал согдийскими, могут быть и бактрийскими. Что же касается согдийской передачи δ через ламед, то в староарамейском курсиве, послужившем источником согдийского письма, не различались буквы далет (*d*) и реш (*r*), что могло создать трудности при передаче согдийских слов, где часто встречались обозначаемые ими звуки. Напротив, звук *l* в согдийском встречался только в заимствованиях, и согдийцы во избежание лишней разночтений могли использовать обозначающую его букву ламед для передачи куда более распространенного в их языке звука δ .

⁹ Грантовский 1960: 20, прим. 28; Schmitt 1989.

¹⁰ Колебания скифологов относительно этой изоглоссы хорошо иллюстрирует высказывание Бильмейера: «Если (курсив мой. — С. К.) мы принимаем всерьез происхождение скифского Παράλαται < младоавест. *paradāta*..., сохранение интервокального *d* в сарматском и осетинском ... становится фонетически дифференцирующим признаком» (Wenn wir die Ableitung skyth. Παράλαται < j[ung]av[est]. *paradāta*... ernst nehmen, stellt die sarmatische und ossetische Bewahrung von intervokalischen *d* ... ein klares lautliches Differenzierungsmerkmal dar) (Bielmeyer 1989: 240, n. 12).

Эту непоследовательность сумел преодолеть польский лингвист К. Т. Витчак, впервые выдвинувший ряд достоверных фонетических критериев различения скифского и сарматского языков. Витчак первым эксплицитно сформулировал тезис о том, что переход $*d > l$ был отличительным признаком скифского языка, противопоставлявшим его сарматскому, где общеиранское $*d$ давало d . Упоминание в одном из фрагментов поэта Алкмана, творившего в конце VII в. до н. э., Колаксаева (по имени известного из Геродота мифического прародителя скифских царей-паралатов) коня (ср. Скржинская 1987: 30—33; Иванчик 2005: 166—168) позволяет относительно точно датировать это фонетическое развитие. Как и в прочих скифских словах, $-l-$ в этом имени восходит к общеиранскому $*d$ через промежуточную стадию $*\delta$. Поскольку z в аккадских передачах самоназвания скифов — *ašguzāia*, *asguzāia*, *iškuzāia*¹¹ — соответствует греческому θ в $\Sigma\kappa\acute{\upsilon}\theta\alpha\iota$ и более позднему скифскому l в упоминаемом Геродотом самоназвании скифов $\Sigma\kappa\acute{o}\lambda\omicron\tau\omicron\iota$, т. е. **skula-ta*, где $-ta$ — показатель множественности, известный, например, из согдийского и осетинского¹², ясно, что к началу скифских переднеазиатских походов, в VII в. до н. э., иранское $*d$ уже превратилось в восточноиранском, resp. скифском, в межзубный звонкий δ [ð], так что самоназвание скифов на момент их первых контактов с ассирийцами и греками должно было звучать **Skuda* (из **Skuda*), что в результате дальнейшего перехода $\delta > l$ дало форму **Skula* (Szemerényi 1980: 5—23). Однако форма с $-l-$ ($<d-$), зафиксированная Алкманом, позволяет определить *terminus ante quem* перехода $\delta > l$ концом VII в. до н. э.

Этим, однако, дело не ограничивается. Специфика передачи самоназвания скифов в ассирийском и греческом небезынтересна и для исследования исторической фонетики греческого. Она свидетельствует, что носители воспринявших это слово греческих диалектов уже произносили тэту не как t^h (t придыхательный), а как спирант. Это, во-первых, меняет наши представления о времени возникновения этого явления в греческом. Обычно его считают достаточно поздним, хотя сигма вместо тэты, передающая спирантизированное произношение спартанцев, встречается уже у Фукидида и Аристофана. К еще более раннему времени относится надпись VI в. до н. э. на рельефе из слоновой кости из храма Артемиды Орфии в Спарте (Schwyzer 1960: 2), в которой в эпikleze богини вместо тэты стоит фи. Если бы этот случай был изолированным, можно было бы считать, как это часто и делается (ср. Lejeune 1972: 61 и примеч. 31), что резчик просто спутал похожие буквы, но сравнение с греческой передачей самоназвания скифов подкрепляет гипотезу о ранней спирантизации тэты и позволяет датировать ее временем не позднее середины VII в. до н. э. (о раннем превращении придыхательной тэты в спирант в западногреческих диалектах, в первую очередь в дорийском, см. Juret

¹¹ Начальный гласный является протетическим (откуда разницей в написании — то с начальным $a-$, то с начальным $i-$ в ассирийской и вавилонской традициях соответственно): в аккадском, как и в других древнесеemitских языках, слог не мог начинаться с двух согласных (см. об этом, например, Дьяконов 1991: 80; Коган 2009: 35; специально об аккадской передаче иранских имен с начальным стечением согласных см. Грантовский 1970: 73 = Грантовский 2007: 84—85).

¹² С. Р. Тохтасьев (Тохтасьев 2005: 72—73 сл.) выражает сомнение в существовании скифском показателя множественности $-t(a)-$ и, соответственно, в том, что $\Sigma\kappa\acute{o}\lambda\omicron\tau\omicron\iota$ представляет собой множественное число от **skula-*, отмечая странность появления в окончании $-oi$ вместо ожидаемого $-ai$. Появление $-o-$ в последнем слове греческой передачи самоназвания скифов в принципе объяснимо, если $-t(a)-$ восходит к общеиранскому $-t(a)-$, как считали Р. Готьё (Gauthiot 1914—1923: 183; Id. 1916: 71) и вслед за ним В. И. Абаев (Абаев 1979: 339 и примеч. 21) и И. М. Оранский (Оранский 1988: 219 и примеч. 80): a мог если не перейти в o , то приобрести огубленность, придававшую ему (тем более в греческом восприятии) сходство с o , под влиянием предшествующего сонанта.

1938: 44; Buck 1955: 59; Arena 1966: 14—19; Pisani 1973: 52—53, 102; Allen 1987: 26 и пр.)¹³. Во-вторых, это заставляет прийти к выводу, что первыми с самоназванием скифов познакомились не ионийцы, а скорее всего дорийцы, в речи которых это произношение появляется раньше всего (хотя нельзя полностью исключить и эолийцев, в речи которых спирантизированное произношение тэты также возникло раньше, чем у ионийцев). К сожалению, на этом основании нельзя сделать однозначный вывод о месте первого знакомства греков и скифов — носители дорийских и эолийских диалектов обитали, наряду с ионийцами, и в Малой Азии, но поскольку жители Азии, видимо, имели дело прежде всего с ионийцами, — недаром в древнеперсидских надписях все греки называются *Yauna*, — такую передачу самоназвания скифов можно считать еще одним косвенным аргументом в пользу того, что впервые с ними познакомились именно греки Балканского полуострова, о чем уже писал И. М. Дьяконов. Правда, высказываются и возражения против такой трактовки. Так, А. И. Иванчик (2009: 66) пишет, что «передача в аккадском иранского * δ знаками с z , которую предполагает это объяснение, была бы единственным таким случаем...; столь же уникальна и передача этого звука греческой *тетой*». Уникальность эта, однако, вполне естественна: ведь и греки, и семиты имели дело в основном с западными иранцами, в чьих языках к тому времени фонемы δ не было¹⁴. Из восточных иранцев как эллины, так и ассирийцы с вавилонянами знали только скифов (вопрос о языковой принадлежности киммерийцев остается открытым), поэтому слова, содержащие δ , могли идти только из скифского. Поскольку массированного заимствования скифской лексики мы в этих языках не наблюдаем, нет ничего удивительного в том, что самоназвание скифов оказалось единственной дошедшей до нас лексемой такого рода (тем более, что не позднее второй половины VII в. до н. э. переход $\delta > l$ в скифском завершился, так что интересующая нас восточноиранская фонема исчезла и из самого скифского).

А. И. Иванчик, вслед за С.Р. Тохтасевым (2005: 99 и примеч. 232), полагает, что в бактрийском переход $\delta > l$ был вначале не вполне регулярным и происходил не ранее ахеменидской эпохи, и на этом основании делает вывод, что «и в скифском, и в бактрийском (а также, вероятно, в предках других юго-восточных языков) переход $d > l$ не был унаследованной от общего предка чертой, позволяющей объединить эти языки» (Иванчик 2009: 81). Но даже если переход $d > l$ встречается в заимствованиях ахеменидского времени, о чем могут лишь косвенно свидетельствовать экстралингвистические соображения¹⁵, это не означает, что он не мог осуществиться раньше. Из поздних памятников бактрийского известно, что там наблюдалось выравнивание по аналогии — так, в ряде

¹³ А. И. Иванчик, не зная о существовании упомянутой надписи, пишет, что самое раннее свидетельство о спирантизации тэты относится к последней четверти V в. до н. э. и сохранилось у Фукидида (Иванчик 2009: 67).

¹⁴ Хотя на определенном этапе (явно предшествовавшем широким контактам с семитами и греками) * δ (не из * d), видимо, существовал в языке-предке югозападноиранских, где * $\acute{z} > * \delta > d$.

¹⁵ Видимо, именно ими руководствовался С.Р. Тохтасев (а до него Симс-Уильямс — Sims-Williams 2002: 227, Table 1), приводя в качестве обоснования такой датировки демонстрирующие этот переход лексемы $\lambda\beta\iota$ и $\lambda\alpha\beta\iota\sigma$ со значением «текст» и «писец» (Тохтасев 2005: 99—100, примеч. 232) (Симс-Уильямс, правда, ахеменидским считал только первое из приведенных слов, а второе относил к сасанидским — Sims-Williams 2002: 232, Table 5). То, что эти слова были заимствованы именно в ахеменидскую эпоху, с введением на территории отдаленных сатрапий канцелярий и письменной документации, представляется хотя и правдоподобным, но отнюдь не доказанным. В конце концов, связи с Бактрией поддерживались и ранее, в мидийскую эпоху, о чем свидетельствует хотя бы то, что название Бактрии в ахеменидских надписях приводится в мидийской, а не древнеперсидской форме, а древнеперсидское *dipi-* «письмо» заимствовано из эламского *turpi* (а в конечном счете восходит к шумерскому) и, соответственно, существовало и до Ахеменидов.

исконных слов, где **δ* перешел в *l*, под влиянием соседних иранских языков был восстановлен *d*. То же, но с обратным знаком, могло произойти и при заимствовании: зная, что на месте *d* или *δ* в языках большинства соседей-иранцев в их языке стоит *l*, бактрийцы могли автоматически заменить западноиранский *d* на *l* и в том случае, если в их языке соответствующее фонетическое преобразование уже не действовало¹⁶.

В настоящее время можно говорить о наличии в скифском целого ряда инноваций, позволяющих отличать его от прочих западно- и восточноиранских языков (за исключением разве что бактрийского) и постулировать существование уже в древности юговосточноиранской языковой подгруппы¹⁷.

Так, помимо уже отмеченного перехода **d* > *l*, в скифском в начале слова происходил переход **xš* > *сибилян*¹⁸, характерный также для некоторых юговосточноиранских языков, в частности, пашто (тогда как в сарматском начальное иранское **xš*- неизменно отражалось как *xš*- — греческое ξ-, осетинское *xs*-). На эту особенность указывал уже Харматта (Harmatta 1951: 308—309), который, правда, не связывал ее именно со скифским. Ее можно проиллюстрировать такими примерами как Σάϊοι < **xšaya*- «правитель, царь», этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32,

¹⁶ В современных и древних языках имеется множество примеров данного явления. Можно вспомнить приведенный Траском (Trask 2000: 53—54) случай испанских заимствований в баскском. Современные испанские слова, оканчивающиеся на *-ón*, заимствуются в баскский с изменением окончания на *-oi*: *avión* «самолет» превращается в *abioi*, *camión* «грузовик» в *kamioi*. С точки зрения современной баскской фонетики такой переход необъясним, поскольку окончание *-on* для баскского вполне обычно. Причина изменений — гиперкоррекция. Романские слова с окончанием *-one* (из латинского *-onem*), заимствованные в баскский, в результате последующего падения в этом языке интервокального *-n* приобрели окончание **-oe*, превратившееся затем в *-oi*. Так, романское **ratone* «крыса; мышь» дало баскское *arratoi*, а романское **razone* «разум; право» — *arrazoi*. В то же время в испанском рефлексы соответствующих слов потеряли конечный гласный и превратились соответственно в *ratón* и *razón*. Баски, заметив, что испанскому *-ón* в их языке часто соответствует *-oi*, начали в поздних заимствованиях из испанского заменять окончание *-ón* на *-oi*. Поскольку русскому «а» (из индоевропейского **a*) в литовском в исконных словах регулярно соответствует *o* (ср. русское «мать» и литовское традиционное *motė*, совр. *moteris* «женщина»), литовцы и в поздних заимствованиях из русского автоматически заменяли «а» на *o*: «генерал» > *generolas* и т. п. (Бурлак, Старостин 2005: 63). Носители тохарского А, заимствовав слово *warpiške* «сад» из тохарского В *werpiške*, «пересчитали» корневой гласный по правилу регулярного соответствия тохарского В *e* тохарскому А *a* (Там же). Древние индийцы, зная, что иранскому *s* перед гласным в их языке соответствует *ś*, стали называть саков *śaka*, и т. п.

¹⁷ По мнению А. И. Иванчика, то, что К. Т. Витчак и С. В. Кулланда признают наличие в скифском показателя множественности *-ta*, противоречит выводу об отнесении скифского к юговосточноиранским. Он торжествующе возвещает: «этот показатель характерен именно для иранских языков северо-восточной группы (согдийского, осетинского) и является одним из важнейших для нее диагностирующих признаков; следовательно, если он присутствовал в скифском языке, то этот язык придется отнести к северо-восточной группе... Таким образом, гипотеза К. Витчака — С. В. Кулланды о принадлежности скифского языка к юговосточной группе оказывается построенной на песке...». Жаль разочаровывать А. И. Иванчика, но этимологически тождественный показатель множественности имеется и в западноиранских языках — это современный персидский суффикс *-hā* (а значит, его наличие в некоем языке нельзя считать доказательством принадлежности к северовосточноиранской подгруппе). Оба показателя, и восточно- и западноиранский, «восходят к др.-ир. суффиксу собирательности **-θva*-. В персидском *-θva* > *hā* (ср. ав. *čaθvāra* «четыре», ср.-перс. *čahār* > совр. перс. *čehār*... В восточноиранских языках... *-θv-* > *-tv-* > *-tf-* > *-tʃ-* > *-t...*)» (Оранский 1988: 219, примеч. 80) (см. также выше, примеч. 12). И. М. Оранский, видимо, ошибался, возводя к *-tca-* и хорезмийский показатель множественного числа *-c* (< **-ki*, **-gi*, **-ti*) (Эдельман 2008: 28), но для осетинского и согдийского приведенная этимология представляется наиболее вероятной.

¹⁸ Нельзя сказать, был ли это свистящий или шипящий, поскольку соответствующие примеры дошли до нас в греческой передаче, где иранские свистящие и шипящие одинаково передавались сигмой.

А, стк. 34), повествующем о событиях конца III в. до н. э. (в тексте форма генитива Σαΐων), и, возможно, как отметил еще В. Томашек (Tomaschek 1888: 721)¹⁹, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских» (οἱ βασιλῆῖοι Σκύθαι, в тексте в родительном падеже, τῶν βασιλῆῖων Σκυθῆων — IV, 20); Σαταφάρωνης < *Xšaitafarna-, «[Обладающий] блистательным (или “царственным”) фарном» (о последнем понятии см. ниже), царь упомянутых сайев (Σάϊοι) (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива Σαταφάρωνου — А, стк. 10, 83)²⁰. Ту же закономерность демонстрирует и Σατραάκης, имя царя азиатских скифов, упоминаемого Аррианом (Anab. IV, 4, 8). Скифским по происхождению, видимо, является и Σατραβάτης, имя собственное из надписи первой половины IV в. до н. э. с Таманского полуострова (КБН 1066), где Σατρα- явно передает иранское *xšaθra- «власть» (см. ниже), но оно, скорее всего, пришло в Северное Причерноморье через персидское посредство (см. ниже)²¹. А. И. Иванчик утверждает, правда, что «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам; среди прочего об этом свидетельствует и тот факт, что скифы упомянуты в том же декрете [ольвийский декрет в честь Протогена. — С. К.] (В 9) отдельно от саев и в контексте, исключающем их отождествление» (Иванчик 2009: 83). Аргументы А. И. Иванчика уязвимы и с исторической точки зрения: упоминаемые в декрете скифы и в самом деле не могут отождествляться с упомянутыми там же сайями, поскольку речь идет о разновременных событиях, но это никоим образом не означает, что сайи не могут быть одним из скифских племен (вероятнее всего, судя по этнониму — царскими скифами). Никому ведь не придет в голову сомневаться в том, что упоминаемый Геродотом (V. 77; IX. 82) «мидянин» — персидский царь, а «мидяне» (VI. 109, 112), с чьим войском грекам предстоит сражаться при Маратоне — персы (недаром в русском переводе Г. А. Стратановского τὸ στρατόπεδον ἐξισοούμενον τῷ Μηδικῷ στρατοπέδῳ [VI. 111] передано как «боевая линия эллинов оказалась равной персидской»), хотя в соседних пассажах упоминаются персы, которых Геродот четко отличает от мидян. Но основной довод против отнесения сайев к сарматам — то, что во всех записанных греческими буквами поздних сарматских именах иранское начальное Xš- неизменно передается как Ξ [Ks]. Нельзя же, в самом деле, предполагать, будто в сарматском кластер xš- в анлауте сначала перешел в сибилант, а затем восстановился. Возможность использования фонетических особенностей имени азиатского скифа Сатрака при исследовании скифского языка А. И. Иванчик отмечает на том основании, что азиатских скифов следует считать не скифами, а саками, в чье близкое родство с Геродотовыми скифами он не верит (Иванчик 2009: 82). Но о близости азиатских и европейских скифов свидетельствуют как исторические, так и лингвистические данные. По Геродоту, саки суть скифы: Σάκαι δὲ οἱ Σκύθαι, поскольку персы всех скифов называ-

¹⁹ Подробнее об истории вопроса см. Куклина 1985: 110, примеч. 77.

²⁰ А. И. Иванчик, желая увидеть во что бы то ни стало в сайях сарматов, утверждает, что последние, появляющиеся в западной части Восточной Европы, где расположена Ольвия, не ранее II в. до н. э., могли все же совершать туда походы (Иванчик 2009: 83—84), но даже если допустить такую возможность, сайев нельзя считать сарматами по лингвистическим соображениям (ср. ниже).

²¹ Оппоненты, разумеется, тут же укажут, что сигма в начале слова могла передавать иранское xš-; ср. греческое σατραάτης < т. н. «мидийского» xšaθrapa-. Данный случай допускает, однако, и другое объяснение (см. ниже), и, учитывая, что начальное Xš- в записанных греческими буквами сарматских именах неизменно передается как Ξ [Ks], можно утверждать, что переход *xš->s- в начальной позиции в скифском все-таки произошел. В связи с этим любопытно вспомнить праславянское диалектное *šatriti «смотреть; блюсти», которое О. Н. Трубачев (1967: 51—55) считал производным от заимствованного иранского *xšaθra- «власть». Если его этимология верна, то славянская форма отражает отмеченные выше скифские черты: переход xš > š и отсутствие метатезы -θr- > rθ.

ют саками (VII. 64), что полностью подтверждается узусом древнеперсидских надписей: *Sakā tayai paradraya* (DNa 28—29), «скифы, которые заморские», упоминаются между Грецией [*Yauna*] и Фракией [*Skudra*], и *Sakā tayai para Sugdam* (DPh, 5—6 = DN; в тексте форма инструменталиса в значении аблатива *Sakaibiš*), «скифы, которые за Согдом». Приведенное же Аррианом имя правителя азиатских скифов свидетельствует, что в их языке произошел тот же переход $*xš > s$, что и в языке скифов европейских. Какие еще нужны доказательства «скифскости» саков?

А. И. Иванчик возражает против гипотезы о скифском переходе $*xš > š/s$ в анлауте и с квазилингвистических позиций. Он напоминает, что в именах сыновей Таргитая в анлауте отражено иранское $*xšaya-$, где $*xš$ после краткого гласного, как и в среднеперсидском, не переходит в сибилант, и утверждает, что «здесь $*xšaya-$ не является частью настоящего композитного имени... Это собственно, титул, прибавленный к личному имени... Естественно, что слово «царь», если оно в это время произносилось как $*šaya-$ или под., должно было сохранять свою форму и в этой позиции, а не восстанавливать утраченное $*xš-$ » (Иванчик 2009: 86). Всякий мало-мальски знакомый с индоиранистикой знает, что в древних языках, как индоарийских так и иранских, дело обстояло как раз наоборот: в древнеиндийском и в авестийском на стыках слов (в авестийском прежде всего на стыках с энклитиками, но не только) давно перешедшие в иных позициях в другие звуки фонемы (например, $-s$, еще в праиранском перешедший в $-h$) сохранялись²² — ср. авест. *kastē* «кто тебе/твой» (Y 29.7; 46.14), *kasə θβqm* «кто тебя» (Y 9. 3), *kasnā* «кто же» (Y 44. 3, 4), *raocāscā... tāmāscā* «рассветы... и сумерки» (Y 44. 5) (вместо *kā* [*kah-*], *raocā* [*raucāh-*], *tāmā* [*tāmāh-*] и пр. Собственно, одного этого было бы достаточно, чтобы отвести возражения Иванчика, но он увязает еще глубже, приводя дополнительный аргумент: в среднеперсидском-де в личных именах со вторым компонентом *šāh*, в отличие от обычных слов, после гласного не сохранялся кластер $-xš-$. При этом примеры «обычных слов» он приводит из средне-, а личных имен, якобы подтверждающих его тезис (*Xusrōē-šāh*, *Čangašāh*) — из новоперсидского (!) (Иванчик 2009: 86). С тем же успехом можно было бы утверждать, скажем, что в народной латыни отпадали заударные гласные, приводя соответствующие примеры из французского языка. В случае с именем *Xusrōē-šāh* его ввела в заблуждение помета (pehl.) в книге Юсти (Justi 1895: 139), но речь-то идет о записанном на среднеперсидском новоперсидском имени одного из переписчиков рукописи Денкарта, что легко можно было установить, обратившись к изданию, на которое ссылается Юсти (или хотя бы к русскому переводу Денкарта). В случае с именем *Čangašāh* не требовалось и этого: достаточно было бы обратить внимание на помету Юсти a[nn]o 1478 (Ibid.: 155), указывающую, что носитель имени, индийский парс, жил в XV в. н. э. Трудно сказать, чего тут больше — некомпетентности или недобросовестности.

Ввиду упомянутого выше перехода $d > δ > l$ требует объяснения появление в скифских словах интервокального $-d-$. Я уже говорил, что к моменту знакомства семитов и греков со скифами в скифском общеиранский $*d$ явно произносился как $δ$. Однако, судя по приводимому Геродотом (I, 103) в форме Μαδύης имени скифского царя VII в. до н. э.,

²² «The ṣ ... is retained unchanged only when followed by $\text{ṭ} t$ or $\text{ṭ} th$... (Whitney 1955 [1889]: 58, § 170, a-b); «Конечное s [в древнеиндийском. — С. К.] сохраняется только перед t , th , а перед c , ch оно существует в видоизмененной форме \acute{s} » (Barrois 1976: 96); «Deux mots [vieil-avestiques. — С. К.] peuvent être réunis par la conservation d'un sandhi original : e. g. 44.3,4 *kasnā*, 46.4,6 *yastām*, 41.2 *huxšatrastū*... » (Kellens et Pirart 1988—91, vol. 1: 64). Неточно (как «восстановление»), но опять-таки вопреки утверждению А. И. Иванчика, Соколов 1979: 159: «Регулярно только восстановление исторического s перед энклитиками... Реже этот же случай и при встрече самостоятельных слов...».

в скифском одновременно существовал взрывной *d*, который не мог восходить к иранскому **d*. Этот факт можно объяснить переходом **-nt-* > *-d-*, засвидетельствованным для юговостоиранских языков; ср. йидга *lad* «зуб» < **danta*, и т. п. (см. Эдельман 1986, стр. 163). В таком случае имя Мадий (Μαδίης) следует трактовать как рефлекс индоиранского **mantu* (ср. авестийское *mantu-*, древнеиндийское *mántu-* «советник; правитель»), отказавшись от общепринятой этимологии, выводящей его из общеиранского **madu-* «мед». Все на первый взгляд противоречащие данному тезису скифские формы, демонстрирующие, согласно наиболее распространенным этимологиям, *-d-* < **-d-* и *-nt-* < **-nt-*, допускают и иные объяснения, не идущие вразрез с изложенными выше гипотезами: скажем, одна из таких форм, имя скифского царя Иданфирса, в ряде рукописей Геродота приводится в виде Ἰνδά(ν)θυρσος (в сочетании **-nd-* общеиранский **d* в скифском сохранился). А. И. Иванчик, стремясь доказать, что варианты с *-vd-* суть лишь ошибки переписчиков, приводит следующие аргументы: «В пассаже IV. 76 имя Иданфирса упомянуто дважды, оба раза с существенным различием. В первом случае рукописи флорентийской ветви дают Ἰδανθύρσου, а римской — Ἰδανθύρου... форма Ἰνδαθύρσου представлена лишь в codici descripti T и M. Три строки ниже рукописи римской ветви дают по-прежнему Ἰδανθυρσος, а флорентийской — искаженную форму Ἰνδάθυρσος. Однако в других упоминаниях этого царя (IV. 120. 126. 127) ситуация более ясная: Ἰδανθυρσος там дается без различия между основными ветвями, а искаженные формы Ἰνδάθυρσος и Ἰνδανθυρσος встречаются лишь в codici descripti. все это позволяет считать форму Ἰδανθυρσος исходной геродотовской формой» (Иванчик 2009: 70, примеч. 42). Все эти замечания (как и приводимые там же соображения о возможных историко-культурных причинах постулируемого искажения «исходной формы») заслуживают внимания, но отнюдь не являются бесспорным доказательством вторичности форм, отражающих *-vd-*. Прежде всего, по справедливому замечанию автора фундаментальной монографии о рукописях Геродота, именно рукописи С и Т (последнюю, Laurentianus LXX. 6, он обозначает как N), где как раз и встречаются «искаженные» формы, «sont les manuscrits mixtes qui nous apprennent quelque chose» (Hemmerdinger 1981: 78). Кроме того, по крайней мере в одном случае мы твердо знаем, что форма имени знатного перса, одного из заговорщиков против Гауматы Ἰνταφέρνης (III 70, 78, 118, 119), не встречающаяся в рукописях римской ветви и потому изгоняемая, несмотря на присутствие в лучших рукописях флорентийской ветви, из текста в критический аппарат, зато представленная в «смешанной» рукописи P и в excerpta Parisina (E), более правильна, как показывает сравнение с *Vindafarnah*- Бехистунской надписи (DB III; 84, 86; IV 83)²³, чем предпочитаемая издателями форма Ἰνταφέρνης, основанная на народноэтимологическом сближении второй части персидского имени с греческим φρήν (множественное число φρένες) «грудь» (переносное значение «душа; ум»), употреблявшимся в основном во множественном числе (см. об этом Schmitt 1967: 142). Этого факта вполне достаточно, чтобы не отмахиваться огульно от codici descripti. Но даже если считать наиболее адек-

²³ Понятно, что древнеперсидская клинопись не вполне адекватно передает фонетический облик древнеперсидских слов, и теоретически *Vi-i-d^a-f^a-r^a-n^a-a* можно было бы читать и **Vindafranh-*, но этому, помимо всего прочего, мешают эламская и вавилонская передачи: ^mMi-in-da-pár-na (§39, стк. 41—42, где не читаются первые два знака имени, 43—44, где имя читается полностью; в строке 40 читаются лишь первые два знака и частично последний, и §54, стк. 89—90, где имя также читается полностью, по изданию Grillot-Susini, Herrenschildt, Malbran-Labat 1993) и ^mÚ-^lmi-in-ta-pa-ar-na-[?] (Voigtlander 1978: 38, стк. 86, где знаки *pa-ar* видны четко, и 87, где в обоих случаях упоминания имени четко виден знак *pa*) или ^mÚ-^lmi-in-ta[?]-par-na-⁵ (Ibid.: 47, стк. 110; издатель специально отмечает, что, хотя первые пять знаков видны слабо, знак *par* виден четко). См. также Mayrhofer 1979: II/28.

ватной передачей имени неоднократно упоминаемого античной традицией скифского царя формы Ἰδάνθυρος / Ἰδανθούρας, а не Ἰνδάθυρος, что, как я старался показать, далеко не очевидно, интервокальный *d* в нем все равно может восходить к праязыковому **-nd-* (в таком случае его первая часть может восходить к иранскому **vinda-* «обретающий, находящий»). Многочисленность вариантов этого имени (см., например, Грантовский 1998: 251; Иванчик 2009: 69—71) наводит на мысль, что в самом скифском фонема/консонантная группа, передаваемая в греческом то через *δ*, то через *νδ*, произносилась особым образом, затруднявшим ее однозначное восприятие носителями других языков. Таковой могла быть консонантная группа *-nd-*. Это находит аналогии в современных юговостоиранских языках, где **-nd-* может давать и *-nd-*, и *-d-*: ср. мундж. *vond-*, верхнемунджанское *vod-*, йидга *vad-* < **band-* «связывать» (Эдельман 1986: 169), пашто *āyund-* < *āgunda-* «одеваться», но *adūm* < **handāma* «бедро» (последнее слово, хотя и входит в литературный язык, видимо, взято из диалекта африди) (Skjærvø 1989: 403). Учитывая, что иранское *-nd-* могло также передаваться греческим *-ντ-* (ср. уже упомянутую передачу древнеперсидского *Viⁿdafarnah-* греческим Ἰνταφέρωνης/Ἰνταφρένης), мы вправе предполагать, что элемент *-αντ-* в именах типа Ἀριάντας (Herod. IV 81) передает скифское **-anda-* (как в имени Κολανδάκης из ольвийского граффито на стенке чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. — Толстой 1953: 11, № 7) (ср. имя персидского сатрапа Ἀριάνδας у Полиена [VII, 11, 7; VII, 34; VIII, 47]). Это тем более вероятно, что привычное объяснение такого рода имен как иранских прилагательных или причастий на *-ant-* не учитывает, что в номинативе и вокативе имен на *-ant-* конечный *t* отпадал, а косвенную основу греки вряд ли заимствовали бы. Еще один пример предполагаемого сохранения общеиранского **-nt-* в скифском, гидроним Παντικᾶτης, объясняемый как «Путь (*panti-*) рыбы (*κατα*)», также не исключает возможности перехода **-nt-* > *-d-*, поскольку, во-первых, в данном случае переходу могло воспрепятствовать сохранение *-θ-* в косвенных падежах и, во-вторых, названия рек Скифии не обязательно были скифскими по происхождению (ср. ниже, примеч. 25 о названии Танаиса).

В приводимой на следующей странице таблице обобщены реконструируемые, хотя и с различной степенью надежности, рефлексы общеиранских фонем в скифском и, соответственно, фонетические особенности, отличающие скифский от большинства известных нам синхронных ему иранских.

К сожалению, довольно часто пишущие о скифском языке либо не знают о существовании отличных от традиционных взглядов на его генетическую принадлежность²⁴, либо пытаются их оспорить, идя при этом на явные, пусть и неосознанные, натяжки²⁵. Никто, однако, не отрицал, что в скифском языке действовали определенные фонетические закономерности, пока А. И. Иванчик (Иванчик 2009) не задался целью доказать, что

²⁴ Например, такой энциклопедически образованный ученый, как Вяч. Вс. Иванов, в одной из недавних работ пишет, что «для скифской группы... восстанавливается язык, относившийся к согдийско-аланской подгруппе восточноиранских языков» (Иванов 2004: 56).

²⁵ Так, Ю. А. Дзицойты, доказывая, что в большинстве скифских диалектов не было перехода **d > l*, пишет о якобы бесспорно скифских гидронимах Δάναπρις и Τάναϊς (Dzitstsojty 2007: 12). Между тем, скифы называли Днепр Борисфеном (Βορυσθένης), а Δάναπρις — название сарматское (если не аланское), у ранних авторов не встречающееся — ср. в «Перипле Понта Евксинского» (84): εἰς Βορυσθένην... τὸν νῦν Δάναπριν λεγόμενον («до Борисфена... ныне называемого Данаприсом»). Что же касается Танаиса, то Г. Гольцер (Holzer 1989) показал, что его название восходит к некоему не дошедшему до нас индоевропейскому языку, в котором индоевропейские звонкие придыхательные закономерно давали глухие, то есть этот гидроним восходит к индоевропейскому корню **d^henH* «бежать, течь», который в общеиранском закономерно дал **dan-*, а никак не **tan-*.

Общеиранский	Скифский
*d-, *-d-	l (кроме кластеров γd, nd): скиф. Παράλαται = авест. <i>paradāta-</i> и пр. (Семереньи и др. для отдельных этимологий или диалекта царских скифов; Витчак впервые для скифского в целом)
*xš-	š/s-: Σαίταφάρνης < *Xšaitafarna-, «[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном» и пр. (Харматта, хотя он и считал это явление сарматским)
*ś	θ: имена скифских царей у Геродота Σπαργαπίθης (из иранского * <i>Spargapaiša-</i> — «Подобный цветку» или «Цветущего вида», ср. ваханское <i>spraγ'</i> «цветок» и авестийское <i>paēsa-</i> «украшение») и Ἀριαπίθης (< * <i>Aryapaiša-</i> «Арийского облика») (Абаев — но считал заимствованием)
*-nt-	-d- (?): имя скифского царя у Геродота Μαθύης < * <i>mantu-</i> (ср. авестийское <i>mantu-</i> , древнеиндийское <i>māntu-</i> «советник; правитель»); этноним (Гелланик <i>apud Steph. Byz.</i>) Ἀμάδοκοι < * <i>a-mantu-ka-</i> «не имеющие правителей» (Кулланда)
*-θ-	-θ- (?): скифский Nom. pl. * <i>pāyah</i> «пути» < * <i>paθayah</i> , восстанавливаемый на основании топонима Ἐξαμπταῖος, который Геродот переводит Ἱερὰ ὁδοί, «Священные пути» и пр. (Маркварт)
*-š-	-θ- (?): скифское <i>srau-</i> «глаз» (приведено Геродотом в форме σποῦ) < индоевропейского * <i>spaksu-</i> , иранского <i>srašu-</i> ; скифское <i>kararu-</i> «кибитка» (у Гезихия καραρούς) < иранского * <i>karəšaru-</i> — ср. тохарское А <i>kursär</i> , В <i>kwársär</i> «упряжка» (Витчак)
*h-	-θ- (?): имя скифского царя у Плутарха и Страбона Ἀτέας < * <i>Hatya-</i> «Истина» (но ср. легенду на монете ΑΤΑΙΑΣ) и пр. (Фасмер)
*tu	t (?): имя скифского царя у Геродота Τάξακис (если из * <i>Taxša-ka-</i> «Стремящийся»); имя скифа у Лукиана Τόξαρις (если от того же корня, но с суффиксом <i>ra</i>); самоназвание Геродотовых скифов Σκόλοτοι (если из * <i>Skula-tva-</i>); в двух последних случаях огубленность могла бы объяснить появление o вместо ожидаемого a) (Кулланда).
*u-	θ- (?): имя скифского царя у Геродота Ὀρικός < * <i>Uarika-/Uaryaka-</i> и пр. (хотя в греческом мог не передаваться и заведомо произносившийся иранский начальный v (< *u) — ср. <i>Vindafarnah-</i> — Ἰνταφάρνης / Ἰνταφρένης)

в скифском существовало множество диалектов, а потому одновременно наблюдались взаимоисключающие фонетические процессы, например, переход общеиранских кластеров *ri-, *ry- в l (как в имени Колάξαῖς — якобы из **xvaryašaya-*) и их сохранение в неизменном виде (как в имени Ἀριαπίθης, см. ниже) и пр. Сосуществование в одном языке исконных и заимствованных из близкородственного источника лексем, демонстрирующих в результате различное фонетическое отражение праязыковых фонем — явление распространенное (достаточно вспомнить «мидийские» слова в древнеперсидском или старославянизмы в русском). Да, с синхронной точки зрения все слова, наличествующие в данный момент в данном языке, равно принадлежат ему независимо от происхождения, но для адекватного анализа соответствующих лексем необходимо установить, какое фонетическое развитие было присуще данному языку и трактовать все отклоняющиеся от него факты как заимствования²⁶. В случае со скифским это тем более необходимо, поскольку иногда мы лишь по фонетическим критериям можем отнести некое имя собственное или нарицательное к скифскому или иному иранскому языку, распространенному в античное время на территории Северного Причерномо-

²⁶ Об этом применительно к скифскому уже писал С. Р. Тохтасьев: цитируя слова В. И. Абаева о «перекрестных изоглоссах», возникших вследствие «междиалектного переплетения звуковых норм», он справедливо отметил, что «реально такое переплетение могло осуществляться лишь путем заимствований из одного языка или диалекта в другой» (Тохтасьев 2005: 101, примеч. 245).

рья. Даже если в некоторых скифских словах сохранялся общеиранский **d* (что далеко не очевидно — ср. выше), считать на этом основании, будто переход **d > l* был в скифском «спорадическим» (Иванчик 2009: 66) — то же, что ввиду существования магнитных аномалий утверждать, будто стрелка компаса указывает на север «спорадически». Отказываясь от всяких попыток определить, что отличало собственно скифский язык от близкородственных иранских, вроде сарматского, мы обрекаем себя на определение языковой принадлежности тех или иных реалий, деятелей и этносов исключительно на основе историко-культурных соображений, что неприемлемо. Языковая принадлежность определяется лингвистически, а все прочие аргументы могут служить лишь для объяснения языковых феноменов, а не для опровержения лингвистических выводов.

Должен признаться, что в какой-то степени А. И. Иванчика спровоцировал я, опубликовав критическую рецензию на его книгу (Кулланда 2008). Критику А. И. Иванчик воспринял как личное оскорбление и отреагировал соответственно, не гнушаясь откровенной ложью²⁷ и опускаясь до придинок, абсурдность которых не мог в глубине души не понимать²⁸. На стр. 79 своей статьи (Иванчик 2009) он упоминает французского ученого «Ф. Корнийо (ошибочно именуемого Кулландой Корнильо)». Так и видишь А. И. Иванчика, снисходительно поправляющего всякого рода недоучек: «Шийон, ошибочно именуемый Жуковским Шильоном; Гийо, ошибочно именуемый Пушкиным Гильо; Вейо, ошибочно именуемый Тургеневым Вельо» и т. п. На самом деле передача по-русски французского буквосочетания *-ill-* как *ль* — старая традиция (ср. такие заимствования как *портфель*, *бульон*, *бильярд* и пр.), ориентированная на реальное произношение XVIII века (господствовавшее в речи образованных слоев до Революции, а в ораторской речи до середины XIX века — последним его видным приверженцем был знаменитый лексикограф Эмиль Литтре, умерший в 1881 году; см. Доза 1956: 98, 102—103), которую предпочитает современной сам Франсуа Корнильо, русист по образованию. Досадно, хотя и достойно всяческого уважения, что иностранец знает и чувствует русскую культуру лучше русского гуманитария. Иронизирует А. И. Иванчик и над моим сравнением передачи восточноиранского межзубного δ (δ) аккадским *z* с тем, как произносят английский $[\delta]$ русские, не слишком хорошо овладевшие английским произношением, с неподражаемым апломбом заявляя: «Думаю, комментарии излишни» (с. 66, примеч. 26). Неискушенный читатель может подумать, что приводить при анализе древних языков примеры параллельного развития из языка родного — моветон и показатель дилетантизма. Между тем, это абсолютно законный прием, широко использующийся специалистами по древним языкам и сравнительно-историческому языкознанию. Так, Э. Швицер, автор знаменитой монументальной грамматики древнегреческого, регулярно приводит в ней параллели древнегреческим лингвистическим процессам из швейцарского

²⁷ «То же объяснение [отсутствие перехода **d > l* в кластере *γδ*. — С. К.]: Кулланда. *Lingua Scythica...* без ссылки на С. Р. Тохтасьева; в соответствующем месте более ранней версии той же статьи (Кулланда. Еще раз...) это имя [Γυδαμπαης. — С. К.] не упоминается» (Иванчик 2009: 74, примеч. 64). Прозрачный намек на якобы имеющий место плагиат бьет мимо цели — на самом деле имя Γυδαμπαης с объяснением сохранения δ приводится в прекрасно известной А. И. Иванчику статье (Кулланда, Раевский 2004: 91, примеч. 54), вышедшей ранее статьи Тохтасьева 2005 года, где то же объяснение дается на стр. 98. Я уж не говорю, что предлагаемое объяснение настолько тривиально и самоочевидно, что спорить о приоритете здесь бессмысленно.

²⁸ Вообще-то вступать в полемику с рецензентами всегда считалось дурным тоном. «Каждую критическую статью, даже ругательно-несправедливую, обыкновенно встречают молчаливым поклоном — таков литературный этикет... Отвечать не принято, и всех отвечающих справедливо упрекают в чрезмерном самодулии» (А. П. Чехов. Письмо М. В. Киселевой от 14 января 1887 года).

диалекта немецкого²⁹; А. М. Лубоцкий, известный индолог и иранист, подкрепляет соображения о появлении начального *x^v*- в авестийском *x^varənah-* из *f-* сравнением с русским диалектным «хвабрика» из «фабрика» (Lubotsky 1998: 481) и т. п. Ох, нет на них Аскольда Игоревича... Латинские названия некоторых моих статей Иванчик объявляет «комически напыщенными» (Иванчик 2009: 64, примеч. 18). Ну, о вкусах, как известно, не спорят, и о смешном у каждого свои представления. Мне, скажем, куда более комичным видится то, как Иванчик уже в течение пятнадцати лет вместе с редакторами и корректорами безуспешно бьется над правописанием простейшего русского словосочетания (в одушевленной и неодушевленной формах): в 1994 году он писал *никто иной, в 2009 — *ни что иное (Иванчик 2009: 79). С нетерпением жду новых вариантов в надежде дожить до правильного. А. И. Иванчик утверждает, что «западными греками» якобы принято называть только греков Италии и Сицилии и на этом основании приписывает мне идею о контактах скифов с населением Великой Греции, т. е. Апеннинского полуострова и Сицилии, над которой в дальнейшем натужно острит (Иванчик 2009: 67—68). На самом деле «западными» в географическом смысле в интересующий нас ранний период греческой истории были греки Балканского полуострова — см. хотя бы высказывания К. Д. Бака: ...«the West Greek and the East Greek dialects, the terms referring to their location prior to the great migrations» (Buck 1955: 7) и Дж. Хоррокса: «...Peloponnesian Doric and North West Greek together constitute ‘West Greek’, the labels reflecting their general distribution in the period when they are first documented» (Horrocks 1997: 8—9) (курсив в обоих случаях мой. — С. К.).

Раздражение Иванчика настолько велико, что он не считает нужным соблюдать принятый в научной полемике (да и просто в приличном обществе) декорум и переходит на личности. Давая понять, что мне не по чину судить о скифском языке, он пишет: «... до сих пор С. В. Кулланда был более известен как специалист по древней Индонезии... именно в таком качестве он был мне известен в период нашего сотрудничества, см. Иванчик А. И., Кулланда С. В. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып. 1. М., 1991. С. 192—216» (Иванчик 2009: 64 и примеч. 17). Вот ведь что любопытно: в 1991 году А. И. Иванчик не считал зазорным ставить свое имя под работой, построенной мною прежде всего на индоевропейском материале, к которой он подключился на заключительной стадии и приписал от силы три страницы. В тот момент моя первая специальность его почему-то не смущала. Неужто с тех пор я успел забыть все, что знал помимо индонезистики?

Исполнять функции адвоката дьявола и санитаря леса вообще-то полезно (я и сам не прочь время от времени этим заняться), но только в том случае, если руководствуешься стремлением доискаться истины. Когда же из двоих исследователей, чьи взгляды на скифскую фонетику в общем совпадают (в том числе и в неприятии традиционной этимологии имен сыновей Таргитая, которой придерживается А. И. Иванчик) и противостоят воззрениям А. И. Иванчика³⁰, тот, кто в своей рецензии отозвался о книге А. И. Иванчика в целом положительно (С. Р. Тохтасьев) цитируется сочувственно и с полным ува-

²⁹ Eine weitgehende Parallele zur lesbischen Entwicklung bildet die sog. Vokalisierung des *n* vor *s* (auch *f*, *h*), die in scweizedeutschen Dialekten vervreitet ist... (Schwyzer 1968, I: 287); Es gibt aber auch ‘interne’ Entlehnung, von Dialekt zu Dialekt (att. λοχᾶγός mit nicht-ion.-att. ᾶ), sehr häufig vom Dialekt zur Schriftsprache und umgekehrt (einerseits nhd. *Rahm*, *Sommerfrische*, andererseits schweiz. *Butter* statt altem *Ankä*)... (Ibid.: 40) и т. п.

³⁰ Достаточно привести цитату из рецензии С. Р. Тохтасьева на книгу А. И. Иванчика: «...конструкции автора, во многом основанные на полностью ошибочных, как теперь выясняется, представлениях о скифском языке...» (Тохтасьев 2008: 203).

жением, а тот, кто скептически отнесся к скифологическим штудиям А. И. Иванчика (С. В. Кулланда) объявляется некомпетентным дилетантом, ясно, что судьбы скифского языка интересуют автора оценок в последнюю очередь³¹. О том же говорит и композиция его статьи. Как вы думаете, чем должна заканчиваться работа о скифском языке — выводами о наличии или отсутствии в нем тех или иных лингвистических феноменов? Ничуть не бывало! Две последние страницы посвящены исключительно изобличению злокозненности Кулланды. Достаточно привести зачины трех последних абзацев: «Абсурдность построений С. В. Кулланды...», «Итак, С. В. Кулланда... игнорирует...» и, наконец, «Прочитав статьи С. В. Кулланды...». Посчитав мою рецензию «прямо направленной» (Иванчик 2009: 64, примеч. 16) против него, А. И. Иванчик решил поквитаться со мной на страницах подведомственного журнала³², не заметив, что рецензия написана не против Иванчика, а в защиту скифологии, которой не идут на пользу особенности его творческого метода (опора на «общепринятые» мнения³³) и недостаток иранистических и общелингвистических (см. выше) знаний. Одним словом, возражения А. И. Иванчика против современной трактовки скифской фонетики не приходится принимать всерьез хотя бы потому, что продиктованы они отнюдь не научными соображениями.

Справедливости ради отмечу, что в некоторых случаях А. И. Иванчику и впрямь удается найти у своих оппонентов всамделишные ошибки. У меня он их обнаружил аж две. Правда, они, хотя и досадны³⁴, не имеют никакого значения для изучения скифского языка и ничуть не колеблют мои выводы.

Есть и более серьезные возражения против отнесения скифского к юговосточно-иранским, но и они не представляются убедительными. Так, один из ведущих российских специалистов по сравнительно-историческому изучению иранских языков, Д. И. Эдельман, пишет: «Интересен в методическом плане историко-фонетический пример перехода праиранской $*d > l$ в ряде иранских языков региона Гиндукуша... Этот переход традиционно рассматривался в ряде трудов как генетически общий, объединяющий эти языки в генетическую подгруппу, отличную от других иранских языков. Были также попытки объяснить аналогичный переход $*d > l$ в иранских языках других ареалов влиянием бактрийского языка или их особой генетической близостью с бактрийским. При этом не учитывалось, что особое близкое родство языков, входящих, в свою очередь, в одну семью, определяется, как известно, не артикуляционным сходством рефлексов единичного древнего прототипа, а ... совокупностью системных инноваций, отличающих данную группу языков от других языков этой же семьи, менее близких генетически... Однако привлечение других, не иранских, языков ареала Восточного Гиндукуша показало, что здесь переход $*d > l$ — ареальное явление, присущее разным языкам данного регио-

³¹ Жертвой оскорбленного самолюбия А. И. Иванчика пал и ни в чем не повинный К. Т. Витчак. Стремясь создать впечатление, будто мои работы о скифском языке, которые он пытается дезавуировать, несомнестельны и полностью следуют выводам Витчака, А. И. Иванчик не мог не обвинить того во всех смертных грехах: если уж сам Витчак плох, то что говорить о его апологетах?

³² Опубликовав в разделе «Доклады и сообщения», предназначенном для кратких заметок, огромную статью на 28 журнальных страниц. Что поделаешь, some animals are more equal than others...

³³ Вот несколько образчиков соответствующей аргументации: «ответ... очевиден — недаром все писавшие о скифском языке... считали это явление диалектальным...» (Иванчик 2009: 68); «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам...» (Там же: 83); «практически общепризнанно [так в оригинале. — С. К.] отсутствие преемственности между скифской археологической культурой VII—IV вв. до н. э. и крымской «позднескифской» культурой II—I вв. до н. э.» (Там же: 82) и т. п.

³⁴ Я упоминал «рукописи Гезихия», тогда как его труд дошел до нас в единственной рукописи, и писал, что надпись КБН 1066 происходит из Фанагории (правильно — из Гермонассы).

на, независимо от их генетической принадлежности, не только иранским. Кроме того, он связан с определенной типологией фонологических структур и фонетических изменений...: в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой *θ, неустойчивым оказывается и статус звонкого звукотипа *δ...» (Эдельман 2009: 92).

Согласиться с приведенными доводами трудно. Во-первых, переход *d > l — не единственная изоглосса, объединяющая скифский, бактрийский и пашто. К числу их бесспорных общих инноваций относится также переход *xš > *сибилян*т в анлауте³⁵. Если справедливо наше предположение о переходе *-nt- > -d- в скифском (см. ниже), этот переход также является системным новообразованием предполагаемой юговосточной подгруппы иранских языков. Что касается якобы субстратного происхождения перехода *d > l в иранских языках Восточного Гиндукуша, то часть специалистов как по иранским (О. Шервё), так и по дардским (А. И. Коган) языкам считает, напротив, что этот переход в некоторых нуристанских и дардских языках может объясняться влиянием мунджанского на прасун (Skjærvø 1989: 382) и пашто на соседние дардские языки (Коган 2005: 161—162). Вопреки мнению Д. И. Эдельман (1986: 169; 2009: 92) о его относительно позднем возникновении, он засвидетельствован в указанном ареале древнеиндийским топонимом *Bāhlika* (т. е. Бактрия, откуда более позднее Балх), который соответствует авестийскому *Vāxdi-* (с суффиксом *-ka*), а также древнеиндийским словом *lipi* «письмо», заимствованным из западноиранского *dipi* (а в конечном итоге из шумерского через эламский и/или аккадский) через диалект, где произошел переход *d > l* (Грантовский 1998: 106—107). Связано данное обстоятельство, видимо, с сакским, resp. скифским, происхождением бактрийцев, пуштунов, мунджанцев и йидга и их языков (см. об этом Marquart 1901: 226 et al.; Грантовский 1963; Он же. 1963а; Он же. 1975; Он же. 1998: 105—109).

«Фонологический статус глухой *θ» в скифском явно был вполне устойчив, поскольку эта фонема регулярно соответствовала иранскому *s*, восходившему к *ś. Самое же парадоксальное состоит в том, что Д. И. Эдельман, отказываясь от выделения юговосточноиранских языков в самостоятельную генетическую подгруппу внутри восточноиранских, оперирует понятием «скифо-осетинские языки» (Эдельман 2009: 84, 88, схема 1), хотя у скифского с осетинским нет *ни единой* общей инновации.

Дополнительный аргумент в пользу реконструкции упомянутых фонетических особенностей скифского — то, что некоторые из них позволяют объяснить на первый взгляд немотивированные дублетные формы иранских слов. Так, ассирийские, эламские и греческие передачи иранских имен с анлаутом, восходящим к общеиранскому *xš- отражают либо *xš-* (ассирийское *ka-áš/kaš-ta-ri-ti* < *Xšaθrita*, эпиграфическое греч. *ξατρᾶπις* < **xšaθrapā-* и т. п.), либо *š/s-* (*sa-tar-pa/ba-nu* < *Xšaθrapāna*, греч. *σατρᾶπις* < **xšaθrapā-* и т. п.). Для передачи иранского биконсонантного анлаута ассирийцы постоянно использовали эпентетический гласный, так что появление начального *s-* вряд ли может объясняться стремлением избежать стечения согласных в начале слова³⁶. По-

³⁵ В мунджанском и йидга стяжения не происходит (см. Эдельман 1986: 117).

³⁶ Что до эламской передачи иранского *xš-* в начальной позиции, оба иранских слова, начинающихся с *xš-* в древнеперсидской версии Бехистунской надписи и транскрибированных в эламской, мидийское личное имя *Xšaθrita-* и название должности сатрапа, *xšaçaṣarāvan-*, по-эламски переданы соответственно как *Šá-at-tar-ri-tá* и *šá-ak-šá-ba-ma-na-me*, где *-me* — эламский суффикс. То же соответствие наблюдается и в более поздних эламских передачах иранских имен. Исключения из правила немногочисленны, а именно эламские *Ik-šá-šá-qa* и *Uk-šu-iš-tur-ra*, предположительно передающие древнеперсидское **xšaçaka-* и мидийское **xšaustra-* соответственно, причем в обоих случаях зафиксированы дублеты *Šá-ak-šá-qa* and *Šu-iš-tur-ra*. Представляется, таким образом, что а) начальный *š* в эламском не отражает перехода *xš-* > *s-* в соответствующих иранских

скольку греки, в свою очередь, проводили четкое различие между начальными *xš-* и *š/s-* иранских языков, передавая их по-разному (соответственно через кси и сигму) (см. выше), перебой *xš-/s-* в иноязычных передачах иранских слов объясняется, видимо, различиями в произношении самих иранцев. Представляет интерес и то обстоятельство, что практически все личные имена, отражающие данный переход, отражают фонетические особенности мидийского³⁷, а именно в Мидии скифское влияние было наиболее сильным (ср. Vogelsang 1992: 11, 303, 304—315 et passim)³⁸. Учитывая, что переход **xš > s* в начальной позиции из знакомых населению Ближнего Востока и грекам древнеиранских языков был характерен для скифского, но никак не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что лексемы, отражающие начальный иранский *s < *xš-*, происходят из скифского. Так как к их числу относятся важные социальные термины (как иранский прототип греческого *σατράπης*) и иранские имена, зафиксированные уже в конце IX в. до н. э., такие как *sa-ti-ri-a-a* (*< *Xšaθriya-*), царь страны Наири в 819 г. до н. э., возможно, следует пересмотреть хронологию и степень воздействия на местное население скифских походов в Переднюю Азию, хотя вопрос требует дальнейшего исследования.

В непредвзятом изучении нуждаются и другие проблемы скифологии. Напомню лишь о некоторых из них. Не удастся пока, скажем, с уверенностью определить прародину скифов. С одной стороны, в восточноиранских языках есть заимствования из северокавказских, отсутствующие в западноиранских: например, пашто *sary*, согдийское *сʁʁ* «седло», хорезмийское *saʁm* «верблюжье седло», ваханское *sirekh*, сарыкольское *siregh* «стеганое шерстяное одеяло; матрац»³⁹ *<* прасеверокавказского **čirqā* «ковер; покрывало» — лакское *çiqā*, лезгинское *çirχ* — NCED: 366; скифское **sana* в глоссе Гезихия *σανάπην τὴν οἰνοπότιν*. *Σκύθαι* в издании Латте-Хансена и *σάναπτιν τὸν οἰνοπότιν*. *Σκύθαι* в издании Шмидта, осет. *sæn/sænæ* «вино» *<* прасеверокавказского **swīnē* «барбарис; смородина» — ав. *saní* «барбарис», лак. *sunī* «гранат», адыг. *sāna*, кабард. *sāna* «виноград, вино» — NCED: 971; любопытно, что, судя как по форме, так и по семантике, восточные иранцы заимствовали слово **sana* у западнокавказцев), следовательно, носители восточноиранских языков уже после их выделения из общеиранского массива находились в зоне контакта с северокавказцами, то есть во всяком случае не в Центральной Азии. С другой стороны, многие археологи выводят скифскую культуру именно оттуда, опираясь прежде всего на ранние дендрохронологические датировки кургана Аржан I в Туве и предполагаемое происхождение определенных элементов скифской материальной культуры (критический разбор их взглядов см. в: Погребова 2006). Возникающее противоречие также далеко от разрешения. Расхожее представление о том, что изучение скифского языка ничего принципиально нового дать не может, далеко от истины,

словах, а б) варианты с протетическим гласным не были характерны для эламского и возникли под ассирийским влиянием.

³⁷ А именно *-θr-*, а не древнеперсидский *ç*. Единственным возможным исключением в сводах Hinz 1975 и Mayrhofer 1973 — имя, записанное по-арамейски как *ššymr* на ахеменидской булле из Телло, где первая часть предположительно передает древнеперсидское *xšaça* (Hinz 1975: 134).

³⁸ Экстралингвистические данные (если таковые имеются) также указывают, что носители имен с начальным *S- < Xš-* были мидянами: так, некий *Σατράβάτης* был при Александре сатрапом Экбатан, древней столицы Мидии (Justi 1895: 292).

³⁹ Ваханский и сарыкольский примеры не вполне надежны (на что обратила мое внимание Д. И. Эдельман). Они были зафиксированы в XIX в. Томашком, но отсутствуют в современных языках. Арабское и персидское *sarj*, видимо, заимствованы из какого-то восточноиранского (согдийского?) языка — см. ИЭСОЯ III: 34—35).

как бы ни трактовать рассмотренные выше сомнительные случаи. Так, в зависимости от того, как решится вопрос о судьбе общеиранского **d* в скифском, то есть будем ли мы считать, что **d* во всех случаях, кроме сочетаний с определенными согласными (см. выше), перешел в **l*, или предположим, что в некоторых диалектах скифского **d* сохранялся, будет складываться и представление о скифском этногенезе. Если принять вторую точку зрения (мне она не кажется вероятной, но не станем отвергать ее с порога), окажется, что Мадий, царь скифов, вторгшихся в Переднюю Азию, и скифские цари-паралаты времен Геродота принадлежали к разным этническим группам. На самом деле картина получилась бы еще более запутанной: к первой группе следовало бы тогда отнести и скифского царя Иданфирса, сражавшегося против Дария I (Hdt. IV 76, 120, 126, 127). Правда, его имя, даже если **d* в нем из **d*, могло быть заимствовано *l*-диалектом из гипотетического *d*-диалекта после появления в первом *d* иного происхождения (не из общеиранского **d*). Но и при таком допущении пришлось бы признать, что лингвистически гетерогенные группы скифов сосуществовали на протяжении нескольких веков. Одним словом, даже если мы останемся верны традиционной точке зрения о происхождении скифского **d* < **d* хотя бы в части случаев, нам придется по-новому взглянуть на этническую историю скифов.

Проблема скифского языка — настолько же историческая, насколько лингвистическая. Будем надеяться, что его изучение позволит преодолеть некоторую однобокость скифологии, опирающейся (в первую очередь, разумеется, по объективным причинам, но не только) в основном на археологический материал.

Сокращения

ВДИ — Вестник древней истории, М.

ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, М.—Л-д: Издательство Академии Наук СССР, 1958; т. II, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1973; т. III, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1979; т. IV, Л-д.: Наука, Ленинградское отделение, 1989; т. V, М.: Российская Академия Наук, Институт Языкознания — Государственный Научный Центр Республики Северная Осетия-Алания, Центр Культурной Антропологии, 1995.

КБН — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Корпус боспорских надписей. М.—Л.: Наука, 1965.

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии, М.

НАА — Народы Азии и Африки. М.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006.

Acta Ant. Hung. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

Acta Orient. Hung. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.

BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London.

CLI — Compendium Linguarum Iranicarum. Hrsg. von Rüdiger Schmitt. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989.

IOSPE I² — Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici. Iterum edidit Basilius Latyschev. Volumen primum. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens. Ed. alt., Petropoli MCMXVI.

JA — Journal Asiatique, Paris.

NCED — S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Ed. by S.A. Starostin. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

SI — Studia Iranica. Paris.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Wien.

Литература

- Абаев 1945 — В. И. АБАЕВ. Древнеперсидские элементы в скифском языке. — *Иранские языки I* (Переиздано в: Абаев 1949).
- Абаев 1949 — В. И. АБАЕВ. *Осетинский язык и фольклор*. Том I. М.—Л-д: Издательство Академии Наук СССР.
- Абаев 1965 — В. И. АБАЕВ. *Скифо-европейские изогlossen. На стыке Востока и Запада*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы
- Абаев 1979 — В. И. АБАЕВ. Скифо-сарматские наречия. — *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М.: Наука (слегка переработанный вариант раздела «Скифский язык» из книги 1949 года).
- Барроу 1976 — Т. БАРРОУ. *Санскрит*. Перевод с английского Н. Лариной, редакция и комментарий Т. Я. Елизаренковой. М.: Прогресс.
- Бурлак, Старостин 2005: С. А. БУРЛАК, С. А. СТАРОСТИН. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Издательский центр «Академия».
- Витчак 1992 — К. Т. ВИТЧАК. Скифский язык: опыт описания. — *Вопросы языкознания*, № 5.
- Грантовский 1960 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Индо-иранские касты у скифов*. М.: Издательство восточной литературы.
- Грантовский 1963 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Из истории иранских племен на границах Индии. — *КСИНА LXI*.
- Грантовский 1963а — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Племенное объединение Paṛṣu-Paṛṣava у Панини. — *История и культура древней Индии*. М.: Издательство восточной литературы.
- Грантовский 1970 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1975 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. О восточноиранских племенах кушанского ареала. — *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. II. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1980 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Выступление на круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — *НАА*, № 6.
- Грантовский 1981 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья». — *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Грантовский 1998 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Иран и иранцы до Ахеменидов*. М.: Восточная литература.
- Грантовский 2007 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература.
- Доза 1956 — А. ДОЗА. *История французского языка*. Издательство иностранной литературы. М.
- Дьяконов 1991 — И. М. ДЬЯКОНОВ. Аккадский язык. — *Языки Азии и Африки*. Т. IV, кн. 1. Афразийские языки. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы.
- Дыбо 2007 — А. В. ДЫБО. *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд*. М.: Восточная литература.
- Иванов 2004 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока. — *У истоков цивилизации*. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый сад.
- Иванчик 2004 — А. И. ИВАНЧИК. Фрагмент скифского эпоса: «Колаксаев конь» в «Парфении» Алкмана. — *ВДИ*, № 2.
- Иванчик 2005 — А. И. ИВАНЧИК. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. М.—Берлин: Палеограф.
- Иванчик 2009 — А. И. ИВАНЧИК. К вопросу о скифском языке. — *ВДИ*, № 2.
- Исмагил 2006 — Р. ИСМАГИЛ. Легенда о происхождении скифов как раннетюркский источник (Геродот, IV, 5—7). — *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время*. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнока. Уфа: Гилем.
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М.: Восточная литература.
- Коган 2009 — Л. Е. КОГАН. Семитские языки. — *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М.: Academia.

- Куклина 1985 — И. В. КУКЛИНА. *Этногеография Скифии по античным источникам*. Л-д: Наука.
- Кулланда 2005 — С. В. КУЛЛАНДА. Еще раз о скифском языке. — *Аспекты компаративистики*. М.: РГГУ.
- Кулланда 2006 — С. В. КУЛЛАНДА. *Lingua Scythica ad usum historici*. — *Древности скифской эпохи*. Сборник статей. М.: ИА РАН.
- Кулланда 2008 — С. В. КУЛЛАНДА. *Scythica obsoleta*. — *ВДИ*, № 1.
- Кулланда, Раевский 2004 — С. В. КУЛЛАНДА, Д. С. РАЕВСКИЙ. Эминак в ряду владык Скифии. — *ВДИ*, № 1.
- Мурзин 1990 — В. Ю. МУРЗИН. *Происхождение скифов. Основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наукова думка.
- Оранский 1988 — И. М. ОРАНСКИЙ. *Введение в иранскую филологию*. Издание 2-е, дополненное. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Погребова 2006 — М. Н. ПОГРЕБОВА. Центральноеазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса. — *Древности скифской эпохи*. Сборник статей. М.: ИА РАН.
- Полин 1992 — С. В. ПОЛИН. *От Скифии к Сарматии*. Киев: НПК «Археолог».
- Скржинская 1987 — М. В. СКРЖИНСКАЯ. Древнейшее свидетельство о знакомстве греков с мифологией скифов. — *Скифы Северного Причерноморья*. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка.
- Тереножкин 1980 — А. И. ТЕРЕНОЖКИН. Выступление на «круглом столе» «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии». — *Народы Азии и Африки*, № 5.
- Толстой 1953 — И. И. ТОЛСТОЙ. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. М.—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Тохтасьев 2005 — С. Р. ТОХТАСЬЕВ. Проблема скифского языка в современной науке. — *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Edited by Victor Cojocaru. Iași: Trinitas.
- Тохтасьев 2008 — С. Р. ТОХТАСЬЕВ. Рец. на: Иванчик 2005. — *ВДИ*, № 1.
- Трубачев 1967 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. Из славяно-иранских лексических отношений. — *Этимология 1965*. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М: Наука.
- Трубачев 1999 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.: Наука.
- Эдельман 1986 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков*. Фонология. М.: Наука.
- Эдельман 2008 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Хорезмийский язык. — *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. М.: Восточная литература.
- Эдельман 2009 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания. — *Вопросы языкового родства*. № 1.
- Allen 1987 — W. S. ALLEN. *Vox Graeca: a guide to the pronunciation of classical Greek*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Arena 1966 — Renato ARENA. Die Vertauschung θ/φ bei einigen altgriechischen Inschriften. — *Glotta*, XLIV. Band.
- Bielmeier 1989 — Roland BIELMEIER. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch. — *CLI*.
- Brandenstein 1953 — W. BRANDENSTEIN. Die Abstammungssagen der Skythen. — *WZKM*, 52.
- Buck 1955 — C. D. BUCK. *The Greek Dialects. Grammar. Selected Inscriptions. Glossary*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Darmesteter 1883 — J. DARMESTETER. *Etudes iraniennes*. Paris.
- Diakonoff 1981 — I. M. DIAKONOFF. The Cimmerians. — *Monumentum Georg Morgenstierne I (Acta Iranica 21)*. Leiden: E. J. Brill.
- Dzitsstsojty 2007 — Jurij DZITSTSOJTY. A propos of Modern Hypotheses on the Origin of the Scythian Language. — *Scythians, Sarmatians, Alans. Iranian-speaking nomads of the Eurasian Steppes*. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 7–10 May 2007. Abstracts of papers.
- Gauthiot 1914–1923 — R. GAUTHIOT. *Essai de grammaire sogdienne*. Paris: Paul Geuthner.
- Gauthiot 1916 — R. GAUTHIOT. Du pluriel persan en *-hā*. — *Mémoires de la Société linguistique de Paris*, t. 20, fasc. 2.
- Grillot-Susini, Herrenschildt, Malbran-Labat 1993 — Françoise GRILLOT-SUSINI, Clarisse HERRENSCHMIDT, Florence MALBRAN-LABAT. La version élamite de la trilingue de Behistun : une nouvelle lecture. — *JA*, tome 281, 1–2, P. 19–59.
- Harmatta 1951 — János HARMATTA. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. — *Acta Orient. Hung.*, T. I, fasc. 2–3.

- Harmatta 1969 — J. HARMATTA. Late Bactrian Inscriptions. — *Acta Ant. Hung.* XVII/3—4.
- Hemmerdinger 1981 — Bernard HEMMERDINGER. *Les manuscrits d'Hérodote et la critique verbale*. Genova: Pubblicazioni dell'Istituto di filologia classica e medievale.
- Henning 1939 — W. B. HENNING. Sogdian Loan-words in New Persian. — *BSOS*, vol. X, part. 1.
- Hinz 1975 — Walther HINZ. *Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen*. Unter Mitarbeit von Peter-Michael Berger, Günther Korbel und Annegret Nippa [Göttinger Orientforschungen III 3], Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Holzer 1989 — G. HOLZER. *Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indoeuropäischen Sprache im Urbaltischen und Urslavischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Horrocks 1997 — Geoffrey C. HORROCKS. *Greek: A history of the language and its speakers*. London and New York: Longman.
- Juret 1938 — A.-C. JURET. *Phonétique grecque*. Paris: Société d'édition Les Belles Lettres.
- Justi 1895 — F. JUSTI. *Iranisches Namenbuch*, Marburg: Elwert; фототипическое переиздание — Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963.
- Kellens et Pirart 1988—1991 — Jean Kellens, Eric Pirart. *Les textes vieil-avestiques*. Vol. I—III, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Lejeune 1972 — Michel LEJEUNE. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris: Éditions Klincksieck.
- Livshitz 1970 — V. A. LIVSHITZ. A Sogdian Alphabet from Panjikant. — *W. B. Henning Memorial Volume*. London: Lund Humphries Publishers.
- Lubotsky 1998 — A. M. LUBOTSKY. Avestan *x^varenah-*: the etymology and concept. — W. MEID (ed.). *Sprache und Kultur*. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Marquart 1901 — J. MARQUART. *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. Berlin: Weidmann.
- Mayrhofer 1973 — M. MAYRHOFER. *Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut des Persepolis-Täfelnen*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 1979 — Manfred MAYRHOFER. *Die altpersischen Namen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Mayrhofer 2006 — Manfred MAYRHOFER. *Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Minorsky 1930 — V. MINORSKY. Transcaucasica. — *JA*, tome CCXVII, 1, 1930.
- Müllenhoff 1892 (1866) — Karl MÜLLENHOFF. *Deutsche Altertumskunde* III. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung; (первое издание Müllenhoff Karl. Über die Herkunft und Sprache der Skythen und Sarmaten. Monatsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften 1866, VIII).
- Pisani 1973 — V. PISANI. *Manuale storico della lingua greca*. Seconda edizione con un'Appendice: *Il Miceneo di Cestina Milani*, Brescia: Paideia Editrice.
- Schmitt 1967 — Rüdiger SCHMITT. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot. — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 117. Wiesbaden.
- Schmitt 1989 — Rüdiger SCHMITT. Andere altiranische Dialekte. — *CLI*.
- Schmitt 2002 — Rüdiger SCHMITT. *Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Schwyzer 1960 — *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora* ('Delectus inscriptionum Graecarum propter dialectum memorabilium' quem primum atque iterum ediderat Paulus Cauer editio tertia renovata). Edidit Eduardus SCHWYZER, professor Turicensis. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung (первое издание — Leipzig 1923).
- Schwyzer 1968 — Eduard SCHWYZER. *Griechische Grammatik*. I—IV, München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Sims-Williams 1981 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. *The Sogdian Sound-system and the Origins of the Uyghur Script*. — *JA*, Tome 269.
- Sims-Williams 1989 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. Sogdian. — *CLI*.
- Sims-Williams 2002 — Nicholas SIMS-WILLIAMS. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions. — *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Ed. by Nicholas SIMS-WILLIAMS. Proceedings of the British Academy — 116.
- Skjærvø 1989 — Prods O. SKJÆRVØ. Pashto. — *CLI*.

- Szemerényi 1980 — Oswald SZEMERÉNYI. *Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka*. Sitzungsberichte der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 371. Band. Veröffentlichungen der Iranischen Kommission. Band 9. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Tomaschek 1888 — W. TOMASCHEK. *Kritik der ältesten Nachrichten über den Skytischen Norden*, 1. — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. 116. Wien.
- Vogelsang 1992 — W. J. VOGELANG. *The rise and organization of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian evidence*. Leiden — New York — Köln: E.J. Brill.
- Voigtlander 1978 — Elisabeth N. VON VOIGTLANDER. *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London: Lund Humphries.
- Whitney 1955 (1889) — William Dwight WHITNEY. *Sanskrit Grammar Including both the Classical Language, and the older Dialects, of Veda and Brahmana*. Eighth issue of the second edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; — London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press.

The paper analyses phonetic correspondences between Scythian and other Iranian languages. Review of the extant data on the Scythian language seems to corroborate the hypothesis of its belonging to the Southeast group of East Iranian languages. The attested phonetic traits of Scythian enable one to look for Scythian loanwords in other languages and vice versa, and may be used to study the genesis of the Scythians.

Keywords: Iranian languages, Scythian, Scyths.